

Танеев Сергей Васильевич

Театральные типы
Воспоминания режиссера

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84-4
С32

С32 **Сергей Васильевич Т.**
Театральные типы: Воспоминания режиссера / Танеев Сергей Васильевич – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 265 с.

ISBN 978-5-519-76247-2

ISBN 978-5-519-76247-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕМЬЕРША.

Мнѣ уже болѣе шестидесяти лѣтъ, а я отлично помню, точно это было вчера, какъ я пріѣхалъ въ г. О., куда былъ приглашенъ въ качествѣ режиссера въ городской театръ. Время вступленія моего въ должность было очень интересное въ дѣятельности о—скаго театра. Не болѣе года, какъ онъ былъ обновленъ, а арендовалъ его второй годъ Андрей Андреевичъ В., и арендовалъ при условіяхъ не совсѣмъ обыкновенныхъ. По смерти прежняго антрепренера, Протасова, городская дума передала театръ сразу на десять лѣтъ, чего ранѣе никогда не дѣлала, отдала его, безъ торговъ и пореторжки, прямо Андрею Андреевичу, чего тоже

равѣ не дѣлала, и ко всеобщему удивленію, къ прежде выдававшейся субсидіи въ размѣрѣ шести тысячъ рублей въ годъ, прибавила еще шесть тысячъ. Слухи, не мало тревожившіе наши артистическія провинціальныя уши, ходили, что и эта добавочная субсидія можетъ быть увеличена. Цѣль всѣхъ этихъ исключительныхъ мѣръ, какъ говорили, была поднять о—скій театръ. Словомъ, все не только благопріятствовало моему поступленію туда, но перспектива быть дѣятелемъ въ обновляемомъ храмѣ искусства интересовала и радовала меня до чрезвычайности, какъ настоящаго театрала.

Да и какъ было не радоваться! Выписали меня изъ захолустья,—выписали потому, что „наслышены были о моей опытности и любви къ дѣлу“; выписали „содействовать стараніямъ администраціи къ развитію отечественнаго драматическаго искусства въ единственномъ городскомъ театрѣ, вступающемъ въ новый фазисъ...“ и т. п. Такъ по крайней мѣрѣ возвѣщалось мѣстною прессою. Содержаніе мнѣ было предложено очень хорошее, съ контрактомъ на пять лѣтъ. Все это не могло не манить меня въ О... Прибылъ я въ началѣ сентября 18.. г.

На другой же день я представлялся городскому головѣ. Привѣтствуя и пожи-

мая мнѣ руку, онъ сказалъ не безъ нѣ-
которой аффекаціи:

— Позвольте намъ надѣяться, что вы употребите все стараніе поддержать на должной высотѣ дѣло нашего драматическаго театра!.. Работайте, прибавилъ онъ, — на пользу нашего роднаго искусства.

Изъ этихъ словъ я заключилъ, что дѣло поставлено серьезно.

Предстоявшее свиданіе съ антрепренеромъ меня очень занимало, въ видѣ исключительности условій антрепризы. Я слышалъ объ Андреѣ Андреевичѣ В... ранѣе, зналъ даже, что онъ не могъ быть совершенно чуждъ театральному дѣлу, но никакъ не ожидалъ, чтобы онъ имъ занялся — такъ мало шло это дѣло къ его профессіи. Въ теченіи многихъ лѣтъ онъ былъ постояннымъ сотрудникомъ одного небезвѣстнаго журнала. Впрочемъ, чего на свѣтѣ не бываетъ! Театральнымъ дѣломъ увлекались не только редакторы, ученые, военные, адвокаты, но въ провинціи бывали даже антрепренеры изъ духовнаго званія.

Свиданіе съ антрепренеромъ состоялось въ театрѣ въ то же утро, и при условіяхъ, тоже не совсѣмъ обыкновенныхъ. Въ то время, когда я вошелъ въ театръ, на сценѣ репетировали, и повидимому, что-то интересное, такъ какъ всѣ, даже сторожа,

облѣпили кулисы со всѣхъ сторонъ, и не къ кому было обратиться съ какимъ-либо вопросомъ. Входить на сцену я не хотѣлъ, а сдѣлавъ нѣсколько шаговъ около уборныхъ, замѣтилъ на одной узенькой дверкѣ надпись: „Режиссерская“. Ясно, помѣщеніе было мое, а потому я довольно рѣшительно отворилъ дверь и еще смѣлѣе вошелъ въ какую-то очень небольшую комнату, вѣрнѣе — конуру. Тутъ, быть можетъ въ сотый разъ въ моей жизни, долженъ былъ я убѣдиться, что хотя смѣлость города беретъ, и что смѣлымъ Богъ владѣетъ, но что иногда она является качествомъ совсѣмъ некстати, излишнимъ, ненужнымъ. На диванѣ сидѣла молодая, пожалуй даже красивая дама, такъ мнѣ по крайней мѣрѣ показалось, а передъ нею на колѣняхъ стоялъ уже не молодой и скорѣе невзрачный мужчина. Смѣлость моя породила замѣшательство въ этой небольшой, но затѣйливой группѣ. Съ досадою, не безъ труда, и безъ сомнѣнія противъ желанія, невзрачный господинъ сталъ подниматься съ колѣнъ, а его собесѣдница быстро отъ меня отвернулася.

— Что вамъ надо? съ презрѣніемъ, грубо крикнулъ господинъ, направляясь ко мнѣ.

— Виноватъ... Андрея Андреевича желалъ бы видѣть, проговорилъ я, пятясь

навадъ и сильно раскаиваясь въ своей смѣлости.

— Это... я... я, что надо? тѣмъ же тономъ произнесъ видимо раздосадованный антрепренеръ, приведя въ порядокъ свои длинные волосы.

Представьте себѣ мое удивленіе, мою злость на себя, на мою неумѣстную смѣлость! Я готовъ былъ бѣжать, исчезнуть, отказать отъ выгодной службы, словомъ—провалиться сквозь землю, и если бы это было на сценѣ, то я бы далъ знать ногою въ люкъ... но я представился, раскланиваясь моему патрону и назвалъ себя.

Мы быстро познакомились. Послѣ первыхъ привѣтствій онъ счелъ нужнымъ представить меня сидѣвшей на диванѣ дамѣ. Оказалось, что это была, по словамъ Андрея Андреевича, первая драматическая актриса въ труппѣ о... театра, Лидія Михайловна Устругова. Меня немного удивило, что я о ней ничего не слыхалъ, но тутъ же успокоилъ себя соображеніемъ, что нельзя же одному человѣку знать все, что дѣлается на свѣтѣ. Вспомнивъ, какой моментъ былъ нарушенъ моимъ появленіемъ, я вскорѣ распростился и отправился отыскивать себѣ квартиру.

На слѣдующій же день я началъ знакомиться съ ходомъ дѣлъ въ о... театрѣ,

и удивлялся все болѣе и болѣе. Составъ труппы оказался совсѣмъ оригинальный. Народу было множество, все красивые мужчины и женщины, но актеровъ и актрисъ почти не было вовсе, всего шесть-семь настоящихъ. По рассказамъ, труппа жила въ полномъ разногласіи. Получая прекрасное содержаніе, всѣ были, тѣмъ не менѣе, недовольны, а самъ Андрей Андреевичъ симпатіями въ труппѣ не пользовался. Сформирована была труппа имъ самимъ, исполнѣ самостоятельно, почему существовавшее нерасположеніе къ нему показалось мнѣ болѣе чѣмъ страннымъ.

Я продолжалъ ежедневно, утромъ и вечеромъ, бывать въ театрѣ, но по сложившимся обстоятельствамъ, все какъ-то устраивалось такъ, что точно я въ должность еще не вступалъ. Незамѣтно подошелъ ноябрь мѣсяцъ, и не могу сказать, чтобы я былъ доволенъ. Сборы были не хороши. Всѣ новыя пьесы, поставленныя по указанію Андрея Андреевича, провалились одна за другою. Особенно непріятно поражало меня, что во всѣхъ старыхъ и новыхъ пьесахъ принималъ участіе все только одинъ и тотъ же составъ артистовъ, а нѣкоторые хорошіе, изъ которыхъ трое были мнѣ давно знакомы, почти не показывались въ театрѣ. Намѣченный Андреемъ Андреевичемъ репер-

туаръ тоже очень не нравился мнѣ. Присматривая афиши, я невольно обратилъ вниманіе на то, что за сентябрь и октябрь мѣсяцы онъ состоялъ изъ 14 пьесъ, 8 возобновленныхъ и 6 совсѣмъ новыхъ, и что изъ нихъ было 5 драмъ, а всѣ остальные — фарсы или шутки, другими словами — почти балаганныя произведенія. Принявъ во вниманіе всѣ эти обстоятельства, а также неудовольствіе большинства лучшихъ артистовъ труппы, я рѣшился воспользоваться правами своей должности, и при первомъ же составленіи репертуара серьезно поговорить съ Андреемъ Андреевичемъ. Случай скоро представился безподобный. Была среда — канунъ дня составленія репертуара на слѣдовавшую недѣлю. Шла раздирающая драма, заглавіемъ собравшая публику болѣе чѣмъ на половину театра. Въ концѣ 4 дѣйствія, Устругова, игравшая главную роль, имѣла, передъ поднятіемъ занавѣса, блестящій монологъ, и я, зная этотъ благодарный для всякой актрисы моментъ въ пьесѣ, подошелъ, нарочно, въ первой кулисѣ, чтобы прослушать его. Я увидѣлъ любительницу, не понимавшую даже того, что она произносила, не говоря уже ни о чемъ другомъ. Тутъ я окончательно понялъ, отчего я о ней, какъ объ актрисѣ, ничего не слыхалъ. Если еще она была терпима

въ балаганныхъ пьесахъ, то въ драмѣ была просто невозможна. Публика со мною исполнѣ согласилась. Произошло для монолога что-то небывалое—занавѣсъ упалъ не только при гробовомъ молчаніи, но мнѣ послышался хохотъ и чуть не свистъ. Помощникъ мой, вѣчно пьяненькій Рыжковъ, правившій спектакль, по привычкѣ засуетился и хотѣлъ было приказать поднять занавѣсъ и позвать артистку на вызовъ, но я остановилъ его. Я почувствовалъ, что покраснѣлъ какъ ракъ, мнѣ стало стыдно за себя, за труппу, за театръ, и я поспѣшилъ къ себѣ въ конуру. Не успѣлъ я, однако, выйти изъ кулисъ, какъ наткнулся на восхищеннаго Андрея Андреевича. Онъ летѣлъ сломя голову изъ зрительной залы мимо меня, и еще издали кричалъ Уструговой, никого не замѣчая: „прекрасно“, „безподобно“... Около режиссерской и ея уборной онъ ее нагналъ, и вмѣстѣ со мною, многіе изъ труппы были свидѣтелями увлеченія, подъ вліяніемъ котораго онъ сталъ, какъ безумный, цѣловать ея руки, высказывая при этомъ какимъ-то страннымъ шепотомъ восторгъ, удивленіе и благодарность. Довольная, поглаживая его то по рукѣ, то по головѣ, Устругова увлекла его въ уборную.